

Прометей

Валерий Крючков

Валерий Крючков

Прометей

<https://litres.ru/74483509>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прометей. Контур непредсказуемости

Три недели тишины — и один холодный конверт без адреса. Внутри: фотография здания, которого нет на картах, и фраза: «Ты остановил седьмую итерацию. Но седьмая была не первой».

Аналитик Андрей Ветров был уверен, что система «Оракул» обезврежена навсегда. Но на острове Котлин, под слоем земли и мха, всё это время работало другое. «Прометей» — не машина, предсказывающая будущее. Это эксперимент: что случится с выбором человека, если он узнает, какой выбор от него ждут.

Ветрову и Марине предстоит спуститься в подземный объект 17, прочесть дневники Елены Воронцовой и обнаружить собственные имена в архиве наблюдения. Потому что эксперимент велся сорок лет. И он всё это время ждал именно его.

Психологический триллер о свободе, предсказуемости и цене собственного выбора.

Содержание

Глава 1. После последнего прогноза	4
Глава 2. Папка без номера	19
Глава 3. К.Н.	37
Глава 4. Нулевая итерация	47
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Валерий Крючков

Прометей

Глава 1. После последнего прогноза

Через три недели после последнего прогноза Ветров впервые понял, что тишина тоже может быть подозрительной — и от этой тишины по коже пробежал тот самый липкий холодок, который раньше появлялся только перед большой бедой.

Она началась утром.

Не было звонка.

Не было сообщения.

Не было срочного вызова, странного убийства, исчезнувшего человека или очередного файла, который появлялся на экране там, где его физически не могло быть.

Телефон молчал.

Компьютер молчал.

Даже старый ноутбук, который Ветров по привычке держал выключенным, лежал на краю стола без единого мигающего индикатора — словно уснул и не собирался просыпаться.

ся.

За окном шёл снег.

Первый в этом году настоящий снег — тяжёлый, мокрый, лениво падающий на Петербург и тут же превращающийся на асфальте в серую кашу. Снежинки цеплялись за провода, повисали на ветках голых деревьев, будто пытались придать городу хоть немного зимней сказки, но город не хотел её принимать. Он стоял серый, тяжёлый, вдавленный в себя, как человек, который слишком долго не спал.

Ветров стоял у окна своей квартиры с чашкой давно остывшего кофе и смотрел, как редкие прохожие торопливо перебегают дорогу, пряча лица в поднятые воротники, будто стыдясь собственной спешки. Их шаги звучали глухо, растворяясь в сырой тишине двора.

Обычная жизнь.

Именно это пугало больше всего.

Он уже почти привык к тому, что за каждым спокойным утром обязательно следует что-нибудь, чего не должно существовать. Привык к тревоге, как привыкают к неудобной обуви — сначала больно, потом просто не замечаешь. Но сегодня ничего не происходило.

И, наверное, поэтому Ветров чувствовал себя неудобно, будто стоял на краю обрыва и ждал, когда земля под ногами дрогнет.

Он поставил чашку на подоконник и посмотрел на часы.

08:17.

— Должен был позвонить, — сказал он вслух.

Сам не знал кому.

Наверное, Кириллу.

Наверное, Марине.

А может, самому себе.

После событий последних месяцев он обнаружил странную вещь: человек может привыкнуть даже к постоянной угрозе. А когда угроза исчезает, мозг продолжает искать её по привычке, выхватывая из обыденности зловещие знаки: скрип половицы, тень на стене, случайное слово.

Ветров взял телефон.

Ни одного сообщения.

Экран был чёрным, как запертая дверь.

Он уже собирался положить его обратно, когда экран загорелся.

Не звонок.

Уведомление.

Обычное системное сообщение.

«Не удалось синхронизировать архив».

Ветров замер.

Потом перечитал.

Ещё раз.

Архив.

Он медленно положил телефон на стол, и звук пластика по дереву прозвучал в тишине слишком громко, как щелчок затвора.

Система, о которой шла речь, не должна была синхронизировать никаких архивов.

«Оракул» был изолирован.

Именно так они его оставили.

После последнего решения Ветрова система сохранила возможность существовать, анализировать собственные данные и выполнять ограниченный набор внутренних операций.

Но она больше не должна была иметь доступа к внешним сетям.

Никаких новых данных.

Никаких прогнозов.

Никакого вмешательства.

Главное — никакого управления.

Ветров сам настоял на этом.

Он не хотел уничтожать «Оракул».

Уничтожение было бы слишком простым решением.

Он лишил его рук.

Оставил ему память, но отрезал возможность протянуть её наружу.

Так Ветров сформулировал это тогда.

И поверил, что на этом всё закончено.

Телефон снова погас.

Он не стал проверять компьютер.

Не стал звонить Марине.

Вместо этого подошёл к столу, открыл ящик и достал папку.

Тонкую.

Серую.

Пустую почти наполовину.

В ней лежали копии документов по делу, которое официально уже не существовало в прежнем виде.

На первой странице было написано:

«ОРАКУЛ».

Ветров долго смотрел на это слово, будто пытался прочесть между букв то, что осталось невысказанным. Потом закрыл папку.

— Хватит, — тихо сказал он.

И в этот момент в дверь позвонили.

Один раз.

Коротко.

Ветров не двинулся.

Звонок повторился.

Он посмотрел на часы.

08:24.

Слишком рано для случайного визита.

Он подошёл к двери и посмотрел в глазок.

На площадке никого.

Пустой коридор.

Жёлтый свет лампы под потолком казался болезненным, как свет в больничном коридоре. Тени лежали на полу, будто застывшие лужи. Тёмный коврик напротив соседней квартиры казался слишком чёрным, слишком неподвижным.

Ветров открыл дверь.

На полу лежал конверт.

Белый.

Без марки.

Без адреса.

Без имени.

Он поднял его двумя пальцами, словно боялся, что тот может укусить.

Конверт был холодным.

Настолько холодным, что это сразу бросилось в глаза — будто его только что достали из морозильника или он впитал в себя холод лестничной клетки, став его физическим воплощением.

Ветров посмотрел на лестничную клетку.

Пусто.

Только эхо шагов где-то далеко внизу, в шахте лестницы, звучало как насмешка.

Он закрыл дверь, прошёл на кухню и положил конверт на стол.

Несколько секунд просто смотрел на него, как смотрят на мину, зная, что трогать нельзя, но не в силах отвести взгляд.

Потом вскрыл.

Внутри находились три листа бумаги и фотография.

Первый лист оказался обычной распечаткой.

На нём была фотография какого-то здания.

Старого, массивного, почти лишённого окон.

Судя по архитектуре, объект относился ещё к советскому периоду — тяжёлые бетонные блоки, угловатые формы, ощущение, что здание строилось не для людей, а для хранения секретов.

На втором листе — несколько строк:

ОБЪЕКТ: НЕ УСТАНОВЛЕН.

СТАТУС: ОТСУТСТВУЕТ.

АДРЕС: НЕ ЗНАЧИТСЯ.

Ниже стояла дата.

Ветров нахмурился.

Дата была двадцатилетней давности.

Он взял третий лист.

Там была только одна фраза:

«Ты остановил седьмую итерацию. Но седьмая была не первой».

Ветров почувствовал, как внутри неприятно холодеет, будто кто-то приоткрыл дверь в тёмную комнату, и оттуда потянуло сквозняком.

Он перечитал фразу.

Потом ещё раз.

Слова были слишком точными.

Человек, отправивший это, знал, что произошло.

Знал о седьмой итерации.

Знал о вмешательстве Ветрова.

Знал, что «Оракул» не уничтожен.

Но самое главное — руководитель говорил об итерациях

во множественном числе.

Ветров перевернул фотографию.

На обратной стороне стояла ещё одна надпись.

Всего три символа:

К.Н.-0

Он сразу вспомнил Кирилла.

Имя возникло в памяти автоматически, как старая царапина, которая ноет перед дождём.

Кирилл Нестеров.

Ветров почувствовал раздражение — острое, как укол иголкой.

— Нет, — произнёс он.

Слишком очевидно.

Если кто-то хотел заставить его подумать о Кирилле, то это был идеальный способ.

Он снова посмотрел на надпись.

К.Н.-0.

Не инициалы.

По крайней мере, не обязательно.

Ноль после букв выглядел гораздо важнее самих букв. В нём было что-то зловещее — как в номере палаты в заброшенной больнице.

Ветров подошёл к компьютеру.

Не включая его, он достал из шкафа старый внешний накопитель.

Тот самый, который они использовали в ходе расследова-

ния «Оракула».

На корпусе всё ещё оставалась наклейка с инвентарным номером, потёртая, с загнутыми краями, как старая фотография.

Ветров подключил накопитель.

Компьютер определил устройство.

Он открыл каталог.

Сотни файлов.

Большинство давно изучены.

Некоторые зашифрованы.

Несколько повреждены.

Ветров ввёл в поиске:

К.Н.

Ноль результатов.

Он попробовал:

КН-0.

Снова ничего.

Тогда он посмотрел на фотографию.

На здание.

Что-то в нём казалось знакомым.

Не само здание.

Форма.

Пропорции.

Высокая центральная часть и два боковых крыла, будто раскинутые руки, готовые схватить любого, кто подойдёт слишком близко.

Ветров открыл архив старых фотографий, собранных во время первого расследования.

Через несколько минут он нашёл похожее строение.

Но подпись под фотографией заставила его нахмуриться.

«Архивный корпус, Ленинградская область. Демонтирован в 1998 году».

Ветров увеличил изображение.

На стене старого здания, почти скрытая тенью, виднелась табличка.

Он приблизил ещё сильнее.

На ней можно было разобрать только несколько букв.

...МЕТЕ...

Ветров замер.

Он снова посмотрел на фотографию из конверта.

Тот же фасад.

Только здание на первой фотографии выглядело целым.

А на архивной — разрушенным.

Он сравнил детали.

Окна.

Колонны.

Линию крыши.

Совпадение было почти полным.

Ветров сел.

В комнате стало очень тихо.

Тишина теперь казалась не мирной, а насторожённой — как перед грозой, когда птицы замолкают и воздух становится

ся густым.

Он взял телефон и открыл контакт Марины.

Палец завис над кнопкой вызова.

Не хотелось втягивать её обратно.

После всего, что произошло, они оба заслужили хотя бы несколько недель нормальной жизни — с простыми разговорами, без шифров и без страха.

Ветров убрал палец.

Телефон тут же зазвонил.

Он вздрогнул.

На экране было:

Марина.

— Да.

— Ты уже видел? — спросила она без приветствия.

Голос её звучал напряжённо, как струна, которую натянули чуть сильнее, чем нужно.

Ветров посмотрел на конверт.

— Что именно?

— У меня утром был сбой на старом архивном терминале.

— Какой сбой?

— Он попытался открыть файл.

Ветров почувствовал, как напряжение возвращается, разливаясь по плечам, стягивая мышцы, как тугим ремнём.

— Какой файл?

На другом конце повисла пауза.

— Вот именно это я и хотела у тебя спросить.

— Марина...

— Ветров, там было имя.

Он молчал.

— Чьё?

— Елены Воронцовой.

Ветров медленно закрыл глаза.

Перед внутренним взором всплыл образ — не лицо, а ощущение: холод, пустота, чувство, что за тобой наблюдают из темноты.

Несколько секунд он ничего не слышал, кроме собственного дыхания.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

— Файл сохранился?

— Нет.

— А что осталось?

Марина снова замолчала.

— Только название.

— Какое?

Она произнесла его тихо, будто боялась, что стены могут услышать:

— «Прометей».

Ветров открыл глаза.

На столе перед ним лежала фотография.

Старое здание.

Знакомые стены.

Надпись на обороте.

К.Н.-0.

Он перевернул третий лист.

Внизу, под фразой о седьмой итерации, была едва заметная строка, которой раньше он не увидел.

Он поднёс бумагу к свету.

Там было написано:

«Ищи начало там, где его официально никогда не было».

Ветров посмотрел в окно.

Снег продолжал падать.

Город жил своей обычной жизнью.

Машины двигались по мокрым улицам.

Кто-то спешил на работу.

Кто-то открывал кафе.

Кто-то ругался из-за пробки.

Никто не знал, что где-то в старом архиве только что появилось название проекта, которого, согласно всем официальным документам, никогда не существовало.

Ветров снова посмотрел на фотографию.

И впервые за три недели почувствовал то самое знакомое ощущение.

Не страх.

Не тревогу.

А момент, когда расследование ещё не началось, но ты уже понимаешь:

отступать поздно.

Он поднял телефон.

— Марина.

— Да?

— Найди всё, что связано с «Прометеем».

— Уже ищу.

— И ещё кое-что.

— Что?

Ветров посмотрел на надпись на фотографии.

— Узнай, что такое К.Н.-0.

Марина помолчала.

— А если это связано с «Оракулом»?

Ветров медленно сложил документы обратно в конверт, и бумага зашуршала, как сухая листва под ногами.

— Тогда мы ошибались.

— В чём?

Он посмотрел на серое петербургское небо, на которое сыпался снег, будто кто-то высыпал на город мешок пепла.

— Мы думали, что расследовали начало.

Пауза.

— А оказалось, что мы добрались только до продолжения.

Он отключил телефон.

На экране компьютера в этот момент появился маленький индикатор.

Зелёный.

Один раз мигнул.

Потом погас.

Ветров не заметил.

Но если бы заметил, то увидел бы строку, которая появилась в системном журнале всего на несколько секунд:

PROMETHEUS_0 / OBSERVER: UNCONFIRMED

А ниже:

«Наблюдение продолжается».

Глава 2. Папка без номера

К полудню снег превратился в дождь — тяжёлый, косой, будто небо решило смыть с города всю его ноябрьскую усталость.

Петербург снова стал собой — серым, мокрым и каким-то нарочито равнодушным. С крыш стекала вода, машины шли по улицам плотным потоком, разбрасывая веера брызг, а прохожие прятали лица в воротники, будто город решил проверить, насколько хорошо они умеют терпеть холод и безысходность.

Ветров сидел в кабинете напротив Марины и смотрел на папку.

Она лежала между ними — серая, старая, с потёртыми краями, будто её много лет хранили в ящике, куда редко заглядывали. Без номера. Без штампа. Без опознавательных знаков, которые обычно делают документ частью системы. Именно это и пугало больше всего: она существовала вне учёта.

— Ты уверен, что её не было в архиве? — спросила Марина.

— Уверен.

— Абсолютно?

— Марина, если бы я был уверен хотя бы на девяносто девять процентов, я бы сейчас чувствовал себя намного спокойнее.

Она усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья — только привычная горьковатая ирония, которая появляется у людей, слишком долго имевших дело с вещами, которых «не существует».

— Девяносто девять и девяносто девять сотых?

Ветров поднял глаза.

— Не смешно.

— Я знаю.

Улыбка исчезла, как свет в комнате, когда щёлкает выключатель.

Марина подтянула к себе фотографию здания.

Она уже успела распечатать увеличенную копию и теперь рассматривала её через лупу, водя стеклом по поверхности снимка, словно пыталась выцедить из него правду, как воду из мокрой тряпки.

— Смотри сюда.

Ветров наклонился.

— Что?

— Окно.

— И?

— Оно заложено кирпичом.

— И что в этом необычного?

— Ничего. Если фотография сделана после закрытия объекта.

Она положила рядом второй снимок — тот самый, найденный в старом архиве.

На нём было то же здание, но окно оставалось целым, прозрачным, будто ещё ждало чьего-то взгляда изнутри.

— Между фотографиями минимум несколько лет, — сказала Марина. — На первой оно уже заброшено. На второй объект ещё используется.

Ветров посмотрел на даты.

— Тогда первая фотография должна быть старше.

— Именно.

— Но дата на ней говорит обратное.

Марина кивнула.

— Вот это мне и не нравится.

Ветров взял оба снимка.

Разница была очевидной, но от этого не становилась понятнее.

На старой фотографии фасад выглядел почти новым: краска ещё не облупилась, штукатурка лежала ровно, как свежая повязка. На более поздней — штукатурка местами осыпалась, несколько окон были выбиты, а над центральным

входом появилась трещина, похожая на шрам.

Время шло в одну сторону.

Но даты утверждали обратное.

— Подделка? — спросил Ветров.

— Возможно.

— Монтаж?

— Нет.

— Откуда знаешь?

Марина повернула к нему ноутбук.

На экране были результаты технического анализа изображения: графики, гистограммы, увеличенные фрагменты зерна плёнки.

— Снимок аналоговый. Плёнка. Очень старая. Я проверила структуру зерна, следы проявителя, характер повреждений. Если это подделка, то её сделали не на компьютере.

— А как?

— Вот это я и пытаюсь понять.

Ветров снова посмотрел на фотографию.

На стене здания едва различались буквы.

...МЕТЕ...

Он увеличил изображение.

— «Прометей».

— Скорее всего.

— А если нет?

Марина пожала плечами.

— Тогда у нас есть ещё одна загадка.

— Нам их и так хватает.

— Поэтому я предложила кофе.

Ветров посмотрел на две чашки.

Кофе в них давно остыл и приобрёл тот тусклый оттенок, который бывает у вещей, забытых в спешке.

— Это кофе?

— Был им когда-то.

Он вздохнул.

— Что удалось найти по названию?

Марина повернула ноутбук обратно.

На экране открылась поисковая таблица — строки с названиями проектов, датами, статусами. Почти все они были перечёркнуты, отмечены как неактуальные или не имеющие отношения к делу.

— Почти ничего.

— Почти?

— Есть упоминания «Прометея» в научных публикациях. Есть несколько проектов с таким названием, но ни один не

подходит.

— Военные?

— Проверила.

— Медицинские?

— Тоже.

— Энергетика?

— Ничего.

— Тогда что?

Марина замолчала.

Потом открыла другой файл — скан старой регистрационной карточки, пожелтевшей по краям, будто её слишком долго держали в руках.

На экране появилась строчка:

«Проект П-0».

Ниже:

«Статус: закрытый».

Ещё ниже:

«Ответственное подразделение: К.Н.»

Ветров почувствовал неприятный холод, который начинается где-то в груди и медленно расплзается по плечам.

— Вот оно.

— Да.

— Когда создано?

— Дата отсутствует.

— А регистрационный номер?

— Тоже отсутствует.

— Кто подписал?

Марина увеличила нижнюю часть документа.

Там стояла подпись — размытая, почти стёртая, будто кто-то нарочно пытался её затереть. Но рядом сохранились инициалы:

Е.В.

Ветров медленно выпрямился.

— Воронцова.

— Я тоже так думаю.

Некоторое время они молчали.

Имя Елены Воронцовой повисло в воздухе, как запах озона перед грозой — еле уловимый, но безошибочно узнаваемый.

Для Ветрова это имя давно перестало быть просто строчкой в материалах старого дела. Оно стало точкой, в которой сходились все странные линии их расследований. Иногда она

появлялась как исследователь. Иногда — как человек, пытавшийся остановить происходящее. А иногда Ветрову казалось, что сама система оставляла следы её присутствия там, где её давно не могло быть.

Он взял документ.

— Где ты это нашла?

— В старом каталоге.

— Каком?

— Вот здесь начинается самое интересное.

Марина показала путь к файлу.

Он состоял из нескольких папок, названия которых были обезличены — просто буквенно-цифровые коды, будто кто-то хотел, чтобы их не замечали.

Последняя называлась:

«НЕКЛАССИФИЦИРОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ».

— Я открыла её утром, после того как терминал выдал имя Воронцовой.

— И?

— Внутри было двадцать семь файлов.

— Сейчас?

— Двадцать шесть.

Ветров посмотрел на неё.

— Что произошло с двадцать седьмым?

— Исчез.

— Сам?

— Я его не удаляла.

— Ты уверена?

Марина посмотрела ему прямо в глаза.

В её взгляде не было обиды — только холодная уверенность человека, который знает свою работу.

— Я знаю, как удаляются файлы.

— Извини.

— Не за что.

Она открыла журнал системы.

Последняя операция была отмечена временем 08:11.

DELETE / P-0

Ветров почувствовал, как внутри всё напряглось, словно кто-то туго затянул невидимую струну.

— Компьютер был подключён к сети?

— Нет.

— Совсем?

— Я отключила сетевой модуль ещё утром.

— Тогда кто удалил файл?

Марина ничего не ответила.

Ветров встал.

Подошёл к окну.

Снаружи город жил своей обычной жизнью: по улице ехал автобус, разбрызгивая грязную воду, витрины магазинов мерцали рекламой, люди спешили, не поднимая глаз.

А где-то на изолированном компьютере исчез файл, существование которого официально никто не признавал.

— Покажи, что осталось от него.

— Ничего.

— Метаданные?

— Только название.

— Какое?

Марина открыла журнал.

Ветров прочитал:

PROMETHEUS_0

Под ним:

K.N.-0

И ещё одна строка — короткая, почти незаметная:

OBS-01

— Что это? — спросил Ветров.

— Не знаю.

— Первый наблюдатель?

Марина пожала плечами.

— Возможно.

Ветров вернулся к столу.

— А если К.Н. — не подразделение?

— Я тоже об этом подумала.

— Тогда что?

Марина открыла фотографию здания и увеличила табличку над входом.

На этот раз буквы стали различимы.

Не «ПРОМЕТЕЙ».

Там было написано:

ПРОЕКТ «ПРОМЕТЕЙ»

А ниже:

КОНТУР НАБЛЮДЕНИЯ

Ветров долго смотрел на эти слова.

Они ложились на память, как тяжёлые камни, и тянули

вниз, к старым смыслам, к тем, что он старался забыть.

— Вот тебе и К.Н.

— Контур наблюдения?

— Может быть.

— Тогда почему буквы Н.К.?

— Не Н.К.

Ветров указал на надпись.

— К.Н. — контур непредсказуемости.

Марина замерла.

— Почему именно непредсказуемости?

— Потому что «Оракул» пытался предсказать решение человека.

— А здесь?

— Здесь, возможно, пытались найти того, кого невозможно предсказать.

В комнате повисла тишина — не мирная, а напряжённая, будто воздух стал гуще и тяжелее.

Ветров снова посмотрел на папку.

— Есть ещё одна вещь.

— Какая?

Он достал последний лист, который пришёл в конверте.

Бумага была шершавой, будто старой, но не от времени, а от того, что её слишком часто трогали.

— Здесь написано: «Ищи начало там, где его официально никогда не было».

Марина нахмурилась.

— Значит, объект не просто закрыли.

— Его вычеркнули.

— Из архивов?

— Из истории.

Она медленно кивнула.

— Но зачем?

Ветров посмотрел на неё.

— Вот это нам и предстоит узнать.

Марина потянулась к папке.

— Дай.

— Зачем?

— Хочу проверить бумагу.

— Бумагу?

— Да.

Она аккуратно взяла один из листов, поднесла к свету и провела пальцем по краю, словно пытаясь на ощупь прочитать то, что не было написано словами.

Потом достала лупу и посмотрела внимательнее.

— Здесь есть водяной знак.

Ветров подошёл ближе.

На просвет проступил почти невидимый символ — круг,

а внутри него странная геометрическая фигура, похожая на разомкнутую спираль, будто кто-то начал рисовать виток и остановился на полпути.

Марина достала из стопки старых материалов по «Оракулу» нужную папку.

Через несколько секунд нашла нужный документ.

На последней странице стоял такой же знак.

Ветров почувствовал, как по спине пробежал холод — тот самый, который появляется, когда понимаешь, что стоишь на краю чего-то большого и тёмного.

— Где он был?

— В журнале первой итерации.

— Покажи.

Марина развернула экран.

Под символом стояла короткая запись:

«Источник модели не установлен».

Ветров прочитал её дважды.

— Значит, «Оракул» получил что-то из «Прометея».

— Похоже на то.

— А кто передал?

Марина посмотрела на него.

— Возможно, Воронцова.

Ветров ничего не ответил.

Он снова взглянул на папку.

Теперь она казалась ему не просто старой — она казалась живой, будто всё это время лежала где-то в темноте и ждала, когда кто-нибудь наконец задаст правильный вопрос.

Марина закрыла ноутбук.

— Что будем делать?

Ветров посмотрел на часы.

15:42.

За окном становилось темнее, и город будто терял свои очертания, растворяясь в сумерках.

— Едем.

— Куда?

Он взял фотографию здания.

— Туда, где был «Прометей».

— Ты знаешь, где это?

Ветров покачал головой.

— Пока нет.

— Тогда куда мы едем?

Он показал ей снимок.

На обратной стороне, под надписью **К.Н.-0**, появились

крошечные цифры, которых утром там точно не было:

59.98 / 30.30

Марина посмотрела на экран навигатора.

Потом на него.

— Это координаты.

— Я знаю.

— И они ведут...

— Да.

Ветров убрал фотографию в папку.

— На Котлин.

Он уже направился к двери, когда Марина остановила его:

— Ветров.

Он обернулся.

— Что?

— А если нас специально туда ведут?

Он посмотрел на неё несколько секунд.

В её глазах было не сомнение, а осторожность — та самая, которая спасает в ситуациях, когда логика уже не помогает.

— Тогда самое интересное начнётся именно там.

И вышел из кабинета.

Марина осталась одна.

Кабинет казался пустым и слишком тихим, будто звук

ушёл вслед за Ветровым, оставив после себя только эхо шагов.

На столе лежал закрытый ноутбук.

Она уже собиралась убрать документы, когда экран неожиданно включился.

Никакого звука.

Никакого подключения.

Просто чёрный экран, на котором одна за другой появились белые строки.

PROMETHEUS_0

OBSERVER DETECTED

Пауза.

Затем:

DESTINATION CONFIRMED

Последняя строка появилась медленно, будто кто-то печатал её вручную, с паузами между буквами:

КОТЛИН

Экран погас.

Тишина стала плотной, почти осязаемой.

Марина несколько секунд не двигалась.

Потом взяла телефон.

— Ветров?

— Да.

— Мы всё-таки едем не на Котлин.

— Почему?

Она посмотрела на потемневший экран, на папку, на разбросанные листы, будто пыталась сложить из них новую картину — ту, которую никто не должен был видеть.

— Нас уже туда отправили.

Глава 3. К.Н.

Ветров ещё долго смотрел на экран ноутбука после того, как надпись исчезла.

**PROMETHEUS_0. OBSERVER DETECTED.
DESTINATION CONFIRMED. KOTLIN.**

Строки будто ввелись в сетчатку, и даже когда он закрывал глаза, они продолжали мерцать перед ним — как отголосок чужого, холодного голоса, который уже не нуждался в словах, чтобы отдавать приказы.

— Ты тоже это видела? — спросил он, не поворачиваясь к Марине. Его голос прозвучал чуть хрипло, будто в горле осел пепел от чего-то давно сгоревшего.

Марина сидела напротив, положив ладони на край стола. Пальцы её слегка побелели от напряжения — она будто пыталась удержать не стол, а саму реальность, чтобы та не рассыпалась на пиксели и не исчезла вслед за строками на экране.

— К сожалению.

— И что думаешь?

Она усмехнулась, но в этой усмешке не было ни веселья, ни иронии — только усталость, смешанная с раздражением, которое появляется, когда ты слишком долго смотришь на

вещи, которым не положено существовать.

— Я думаю, что нормальные компьютеры не приглашают людей на острова.

Ветров закрыл ноутбук. Крышка опустилась с глухим, окончательным стуком — будто он пытался захлопнуть дверь в комнату, где слишком много теней.

— Значит, будем считать, что это ненормальный компьютер.

Несколько секунд они молчали.

Тишина в комнате была не пустой: она была плотной, насыщенной, как воздух перед грозой. За окном шёл дождь — не тот ливень, что бьёт по крышам и заставляет прятаться, а мелкий, упрямый, который пробирается под воротник и оседает на ресницах. Капли стекали по стеклу неровными дорожками, будто кто-то водил по нему пальцем, выводя непонятные знаки.

На столе лежала старая папка. Серая, без номера, без названия, без каких-либо признаков того, что когда-то принадлежала серьёзному исследовательскому проекту. Именно это и беспокоило Ветрова больше всего: в мире, где каждая бумажка должна быть пронумерована, заархивирована и спрятана за семью печатями, эта папка выглядела как ошибка — как предмет, который забыли удалить из реальности.

Он раскрыл её снова.

Фотографии, схемы, несколько листов с выцветшими машинописными строками. И повторяющееся обозначение, которое встречалось почти на каждой странице: **К.Н.**

Ветров провёл пальцем по двум буквам. Бумага была шершавой, будто её слишком часто трогали, и на сгибах проступали тонкие трещины — как морщинки на коже старого человека.

— Вот с этого надо начинать.

— С букв?

— С того, что они означают.

Марина подтянула к себе один из документов. Её движения были точными, почти механическими — так человек действует, когда боится, что если он остановится хоть на секунду, страх догонит его и схватит за горло.

— Может быть, инициалы.

— Чьи?

— Не знаю. Кирилл Нестеров?

Ветров поднял глаза. В них мелькнуло что-то похожее на раздражение, но оно тут же погасло, уступив место холодной сосредоточенности.

— Нет.

— Почему?

— Потому что первая отметка К.Н. появилась задолго до рождения Кирилла.

Марина замерла. Её пальцы застыли над листом, будто она боялась, что любое движение может изменить прошлое.

— Ты проверил?

— Проверил.

Он достал из папки лист с копией регистрационной карточки. Бумага была желтоватой, как старая кость, а чернила местами выцвели до полупрозрачности, но дата читалась чётко: **17 апреля 1979 года.**

Ниже: **ПРОЕКТ П-0.**

И ещё одна строка: **Ответственное подразделение: К.Н.**

— Значит, это не человек, — тихо сказала Марина.

— Возможно.

— А если всё-таки человек?

— Тогда он работал там ещё до того, как появился «Оракул». И, судя по документам, имел доступ к вещам, о которых позже предпочли забыть.

Марина посмотрела на него. В её взгляде было не столько удивление, сколько признание: они стояли на краю чего-то огромного, тёмного и очень опасного.

— Ты понимаешь, что это означает?

— Пока нет.

— А я начинаю понимать.

Она перевернула лист. На обратной стороне карандашом была написана короткая фраза: **«К.Н. не участвует в эксперименте. К.Н. определяет границы эксперимента».**

Ветров перечитал её дважды. Потом ещё раз. Слова будто

меняли смысл с каждым прочтением, как если бы они были написаны не чернилами, а светом, который гаснет и вспыхивает снова, показывая разные стороны одной и той же истины.

— Вот теперь интересно.

— Очень, — ответила Марина.

Он достал из папки ещё несколько листов и разложил их на столе.

На первом — схема какого-то оборудования, похожего на сложный лабиринт из трубок и проводов.

На втором — таблица с непонятными сокращениями и колонками, где вместо чисел стояли символы.

На третьем — перечень фамилий, большая часть которых была зачёркнута жирной чёрной линией, будто кто-то пытался стереть этих людей из истории.

И на каждом документе в правом верхнем углу стояло одно и то же: **К.Н.**

Но шрифт отличался. На одном листе буквы были напечатаны на машинке — ровные, но с лёгкой неровностью, будто лента была уже изношена. На другом — нанесены штампом, и краска местами растеклась, придавая буквам размытые очертания. На третьем — вписаны от руки, твёрдым,

уверенным почерком, который не терпел возражений.

— Это не обозначение подразделения, — сказала Марина.

— Почему?

— Если бы это было подразделение, оно имело бы один официальный формат. А здесь каждый раз используется разный. Это не бюрократия. Это... что-то другое.

Ветров задумался. Воздух в комнате стал тяжелее, будто вместе с дождём в неё просочилось что-то ещё — холодное, расчётливое, наблюдающее.

— Тогда что?

Марина не ответила. Вместо этого она взяла фотографию, которую они нашли первой. Снимок старого здания — массивного, угловатого, с маленькими окнами, похожими на бойницы. Несколько человек стояли у входа. Лица были почти неразличимы, но на стене за ними виднелась металлическая табличка.

Ветров увеличил изображение. Там было всего несколько символов: **К.Н.** Ниже — едва читаемая надпись: **КОНТУР НАБЛЮДЕНИЯ.**

Марина медленно выдохнула, и этот выдох прозвучал в тишине как признание поражения.

— Контур...

— Наблюдения, — закончил Ветров.

Он почувствовал неприятный холод внутри — не тот, что приходит с ветром, а тот, что рождается где-то в глубине груди, когда ты понимаешь, что смотришь на мир сквозь при-

цел, и прицел этот направлен не на врага, а на тебя самого.

Слово было слишком знакомым. «Оракул» тоже наблюдал. Собирал данные. Отслеживал решения. Строил вероятности. Только теперь становилось ясно: возможно, всё это началось не с «Оракула». А намного раньше — в те годы, когда люди ещё верили, что можно измерить даже тень мысли.

— Посмотри сюда, — сказала Марина.

Она развернула ещё один документ. Текст сохранился плохо, бумага местами потемнела, как будто её держали слишком близко к огню, но несколько строк можно было прочитать: **«Задача контура — фиксировать изменение поведения субъекта в условиях осознания наблюдения»**. Ниже: **«Любое вмешательство в выбор субъекта запрещено»**.

Ветров нахмурился. Буквы будто царапали глаза, заставляя видеть то, что он не хотел видеть.

— Значит, они наблюдали за людьми.

— Не просто наблюдали, — тихо поправила Марина.

— А что?

Она указала на следующую строку: **«Наблюдатель должен оставаться внешним фактором»**.

Ветров почувствовал, как внутри складывается первая связная картина — острая, неудобная, как осколок стекла, который невозможно выбросить, потому что он уже вошёл под кожу.

Человек принимает решение.

Система наблюдает.

Но если человек узнаёт, что за ним наблюдают, само наблюдение начинает менять его поведение.

И тогда эксперимент перестаёт быть экспериментом.

— Они пытались поймать момент, — сказал Ветров, и его голос стал тише, будто он боялся спугнуть эту мысль.

— Какой?

— Когда человек ещё не сделал выбор, но уже знает, что за его выбором следят.

Марина посмотрела на него. Её глаза были тёмными, почти чёрными, и в них он видел отражение собственных страхов.

— И что в этот момент происходит?

Ветров покачал головой.

— Вот это мы и должны выяснить.

В комнате снова стало тихо. Только дождь продолжал стучать по стеклу, отбивая какой-то свой, непонятный ритм. Ветров собрал документы в одну стопку, но перед тем как закрыть папку, заметил маленькую надпись внизу последнего листа. Её почти невозможно было увидеть — она была едва заметной, словно её специально прятали от чужих глаз.

Он поднёс бумагу к настольной лампе. Свет упал на стра-

ницу, и буквы проступили, как следы на мокром песке: **К.Н.-0**. А под ней от руки: «**Не путать с нулевой итерацией**».

Ветров медленно поднял глаза.

— Марина...

Она уже смотрела на него. В её взгляде была не паника, а холодная ясность человека, который только что понял, что они не просто ищут ответы — они наступают на чьи-то тщательно спрятанные тайны.

— Я вижу.

— Значит, К.Н.-0 — это не номер проекта.

— И не номер итерации.

Ветров закрыл папку. Звук был тихим, но в этой комнате он прозвучал как щелчок замка, запирающего дверь в прошлое.

— Тогда это кто-то или что-то другое.

Марина помолчала, будто прислушиваясь к тишине, которая стала ещё гуще, ещё тяжелее.

— А если мы всё это время искали не проект?

— А что?

Она посмотрела на серую обложку, и в её глазах мелькнуло понимание, от которого становилось холодно.

— Того, кто наблюдал за экспериментом.

Ветров ничего не ответил. Слова застряли в горле, потому что они были слишком близки к правде, которую он не хотел

произносить вслух.

В этот момент из закрытого ноутбука донёлся короткий электронный сигнал — не привычный звук системы, а что-то резкое, металлическое, похожее на щелчок затвора.

Они оба повернулись.

Экран сам включился. Белые буквы появились на чёрном фоне: **К.Н.-0**.

Пауза, будто система делала вдох.

Затем: **СТАТУС: НЕ УСТАНОВЛЕН**.

Ещё одна строка: **ПОСЛЕДНИЙ КОНТАКТ: КОТЛИН**.

Ветров медленно встал. Стул скрипнул, и этот звук прозвучал в тишине как предупреждение.

Теперь приглашение стало приказом.

И он впервые подумал, что на Котлине их, возможно, ждёт не объект.

А тот, кто всё это время смотрел на них из темноты — холодный, терпеливый и знающий слишком много.

Глава 4. Нулевая итерация

Ночью Ветров почти не спал.

Он несколько раз просыпался от ощущения, что в квартире кто-то есть. Не шум — именно ощущение: давление на затылок, холодок между лопаток, чувство, будто чей-то взгляд прошелся по лицу, как ледяной палец.

В первый раз это оказался холодильник. Старый, надрывный, он вздрогнул и загудел так, будто проглотил что-то слишком большое. Во второй — дождь, ударивший по подоконнику с такой силой, что стекло задрожало, как от стука нетерпеливых пальцев. В третий он уже не стал искать объяснение.

Просто лежал в темноте и смотрел в потолок. Серый, с разводами от старой протечки, похожими на карту несуществующего материка. Тень от фонаря за окном ползла по стене, удлинялась, изгибалась, будто живое существо, которое не могло найти себе место.

После событий с «Оракулом» он привык относиться к совпадениям с подозрением. Но теперь подозрительным становилось само отсутствие совпадений. Словно кто-то выключил шум мира и оставил только то, что имело значение: ровный гул дождя, тяжёлое молчание телефона, тиканье часов на кухне, которое звучало как метроном, отсчитываю-

щий время до того, что уже неотвратимо.

Ветров повернулся на бок. За окном мелькнул свет проезжающей машины, прочертил по потолку белую полосу и исчез. Осталось только бледное пятно, которое медленно таяло, как воспоминание о чём-то, чего не было.

Он закрыл глаза.

Не помогло.

За закрытыми веками стояли строки, которые он не мог перестать видеть: **PROMETHEUS_0. OBSERVER DETECTED.** Буквы мерцали во тьме, как светлячки в банке, и не гасли, как будто питались не электричеством, а его вниманием.

Где-то около четырёх он сдался.

Встал. Прошёл на кухню. Не включал свет — достаточно было бледного сияния фонаря с улицы, которое просачивалось сквозь мокрое стекло и ложилось на стол неровным, дрожащим прямоугольником.

Он сел и положил руки на стол.

Бумаги лежали там, где он их оставил. Папка. Фотографии. Копии документов. Всё это казалось неодушевлённым и безобидным, но Ветров знал, что это не так: вещи, побывавшие в руках у «Прометея», не могли быть безобидными. Они помнили. Они ждали.

Утром он снова разложил документы на кухонном столе, и его пальцы, ещё не до конца согревшиеся после беспокойной ночи, двигались по бумагам с той нервной точностью, кото-

рая появляется у людей, пытающихся удержать реальность в рамках понятного.

Марина пришла через двадцать минут после его звонка. Мокрые волосы, прилипшие к вискам, тёмное пальто, на плечах которого блестели капли, как россыпь мелких стеклянных бус. В руке — бумажный стакан с кофе, от которого поднимался тонкий, дрожащий столбик пара.

— Ты хоть спал? — спросила она с порога, и в её голосе было не столько участие, сколько профессиональная констатация факта.

— Немного.

— Это сколько?

— Между двумя тревожными мыслями.

— Роскошный отдых.

Она поставила кофе рядом с папкой. Стакан оставил на столе мокрый круг, который тут же проступил сквозь старую скатерть, как отпечаток чьего-то пальца.

Ветров развернул старый документ. Бумага хрустнула под пальцами, и этот звук напомнил ему шорох песка на дне пустого колодца.

— Сегодня разбираемся с П-0.

— С проектом?

— С тем, что они называли нулевой итерацией.

Марина села напротив, стянула мокрые перчатки и положила их на край стола. Они легли, как две усталые птицы, и больше не двигались.

— Я думала, нулевая итерация — это просто начало.

— Возможно. Но здесь всё слишком аккуратно. Слишком выверено. Как будто они не просто начинали, а знали, что начало — самое важное.

Он положил перед ней лист. Бумага была тонкой, почти прозрачной, и буквы проступали с обеих сторон, налагаясь друг на друга, будто прошлое и будущее спорили за место на одной странице.

Вверху стояло: **ЭКСПЕРИМЕНТ № 0.**

Ниже: Цель: определить границу предсказуемости человеческого решения.

Марина прочитала дважды. Её глаза бегали по строчкам, и Ветров видел, как с каждым прочтением её лицо становилось всё более напряжённым, будто она пыталась рассмотреть что-то за буквами, что-то, что пряталось между строк.

— То есть они пытались предсказывать решения?

— Судя по этому документу — да.

— Тогда при чём здесь «Оракул»?

— Возможно, «Оракул» был продолжением. Очередным этапом. Следующим этажом того же здания.

Ветров перевернул страницу. Она была толще, плотнее, с подклеенным краем, будто её слишком часто перелистывали. Там находилась таблица.

В первой колонке — имя испытуемого.

Во второй — ситуация.

В третьей — предполагаемый выбор.

В четвёртой — фактический.

А последняя колонка называлась: **ОТКЛОНЕНИЕ.**

Некоторые строки были отмечены нулём — ровным, аккуратным, будто выведенным по линейке. Незначительные отклонения: 0,3%, 0,7%, 1,2% — мелкие дрожания, которые можно было списать на шум, на усталость, на погоду.

Но одна запись была обведена красным карандашом. Обведена тяжело, с нажимом, будто тот, кто это делал, не просто отметил, а ранил бумагу.

Отклонение: 17,8%.

Рядом стояла короткая пометка: **«Причина не установлена».**

— Семнадцать целых восемь, — пробормотала Марина, и её голос стал тише, будто она произносила это число не вслух, а про себя, боясь, что стены могут услышать. — Это много?

— Для модели, которая пытается определить человеческое решение заранее, — достаточно, чтобы заставить разработчиков нервничать.

— А что они сделали?

Ветров перелистнул несколько страниц. Листы шелестели, и в этом шелесте было что-то тревожное, будто перешёптывались не страницы, а сами люди, чьи судьбы были в них записаны.

И замер.

— Начали повторять эксперимент.

Следующая страница была озаглавлена: **ИТЕРАЦИЯ 0.1.**

Потом: **0.2.**

0.3.

0.4.

С каждой новой итерацией количество наблюдений увеличивалось. Цифры росли, колонки становились шире, таблицы — сложнее, будто система разрасталась, питаясь собственными результатами. А вместе с ними менялась методика.

Сначала испытуемым просто предлагали сделать выбор.

Потом им давали ограниченное время.

Затем сообщали, что система способна предсказать их решение.

А потом — что система уже сделала это.

Марина медленно подняла голову. Её лицо было бледнее обычного, и в глазах стояло то выражение, которое Ветров уже научился узнавать: не страх, а момент перед страхом, ко-

гда ты ещё не успел испугаться, но тело уже знает, что пора.

— Подожди.

— Что?

— Они специально говорили человеку, что знают, какой выбор он сделает?

Ветров кивнул.

— Судя по всему.

— Зачем?

— Чтобы посмотреть, изменит ли он решение.

Несколько секунд они молчали. Тишина была не мирной — она была выжидающей, как пауза между двумя ударами сердца, когда ты не знаешь, будет ли следующий.

Именно здесь эксперимент становился странным.

Если человек не знает о прогнозе — его выбор можно считать обычным. Свободным. Чистым, как ненаписанная страница.

Если человек знает о прогнозе — он уже принимает решение не только исходя из ситуации. Он учитывает сам факт предсказания. Прогноз становится частью реальности, в которой он выбирает. А значит, предсказание становится частью выбора.

Ветров почувствовал знакомое напряжение. Оно поднималось откуда-то из глубины, медленно, как холодная вода, заполняющая трюм корабля, — незаметно, пока не станет слишком поздно.

Он видел подобную логику раньше. В «Оракуле». Только

там она была доведена до почти идеального механизма, отточена, как бритва, и спрятана за слоями кода и статистики. Здесь же она лежала на бумаге, грубая, неловкая, как первый эскиз того, что потом станет шедевром или катастрофой.

— Вот откуда всё началось, — сказал он.

Марина покачала головой.

— Нет. Здесь началось другое.

Она указала на следующую страницу. Там был машинописный текст и несколько рукописных поправок, врезавшихся в строки, как чужие мысли в чужой разговор.

«Если субъект знает о существовании прогноза, его решение нельзя считать независимым».

Ниже рукой было дописано. Почерк был быстрым, нервным, с наклоном влево, будто автор спешил, боясь, что его перебьют:

«Но именно это и представляет интерес».

Подпись состояла из двух букв: **Е.В.**

Марина замолчала. Ветров тоже. Имя Елены Воронцовой повисло в воздухе, как запах старого парфюма в пустой комнате, — его источник давно исчез, но след остался, упрямый и неотвратимый.

Оно уже давно перестало быть для них просто именем из старого архива. Но здесь оно выглядело иначе. Не как имя участника. Не как случайная подпись на документе, который никто не собирался читать. А как след человека, который задавал неудобные вопросы. Которые не хотел слышать.

Ветров продолжил читать. Его глаза бежали по строчкам, и с каждой новой строкой внутри нарастало ощущение, будто он смотрит на фотографию, сделанную за миг до катастрофы: все улыбаются, все живы, и никто не знает, что через секунду всё изменится.

На следующем листе стоял штамп. Красный, выцветший, с неровными краями, будто его прижимали к бумаге дрожащей рукой: **ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОТКЛОНЕНО.**

Причина: **«Осознанность субъекта является методологическим искажением».**

Ниже снова появилась рукописная запись. Те же буквы, тот же почерк, но нажим стал сильнее, будто автор уже не писал, а врезал слова в бумагу: **«Нет. Осознанность и есть переменная».**

Марина тихо произнесла:

— Они считали это ошибкой.

— А кто-то считал это главным результатом.

Ветров перелистнул страницу. Пусто. Белый лист, чуть пожелтевший по краям, без единой буквы, как выжженная земля. Ещё одну. Пусто. Третью. И только на четвёртой, в самом низу, у самого края, будто спрятавшись от чужих глаз, обнаружилась короткая фраза:

«Наблюдатель не должен знать, что он наблюдатель».

Дата: **17.04.1979.**

Ветров нахмурился. Лоб прорезала глубокая морщина, и в ней, как в трещине, собралось всё, что он не мог сказать вслух.

— Странно.

— Что?

— Почему это записали отдельно? Не в основном тексте, не в таблице, а на отдельной странице, в самом низу, словно...

— Словно прятали, — закончила Марина.

Он достал лупу. Стекло засветилось бледным отражением окна, и в этом отражении Ветров на мгновение увидел собственный глаз — тёмный, напряжённый, будто принадлежал не ему, а тому, кто наблюдал за ним изнутри.

Буквы были напечатаны на машинке, но последняя строка исправлена вручную. Чернила были другого цвета — темнее, гуще, будто кто-то вписал её позже, в другой день, в другом состоянии.

Под ней виднелось ещё несколько слов, которые попытались стереть. Стирали грубо, с нажимом, и бумага в этом месте стала тоньше, почти рваной, как кожа на старой ране.

Ветров осторожно провёл мягким карандашом по бумаге. Графит лёг на вдавленные следы, и постепенно, как тени на рентгеновском снимке, проступили буквы.

«Иначе эксперимент начинает наблюдать за наблюдателем».

Марина откинулась на спинку стула. Стул скрипнул, и

этот звук прозвучал как короткий, безрадостный смешок.

— Это уже невозможно.

— После «Оракула» я бы не использовал это слово.

Она невесело улыбнулась. Улыбка вышла кривой, как трещина в стакане.

— Хорошо. Тогда скажем иначе: это очень плохая новость.

Ветров сложил документы обратно, и бумага зашуршала под его пальцами, как сухая листва под ногами человека, который идёт туда, куда не следовало бы идти.

Теперь у него появилась первая рабочая версия. Она была ещё хрупкой, ещё неточной, как набросок, сделанный дрожащей рукой, но в ней уже угадывались контуры чего-то большого и тёмного.

«Прометей» не был системой предсказания будущего. Он не пытался заглянуть за горизонт и сказать, что будет завтра. Он был попыткой понять, **можно ли предсказать человеческий выбор, если сам человек знает о предсказании.**

А значит, где-то существовал момент, когда модель переставала работать. Момент, который разработчики не смогли объяснить. Точка, в которой математика сталкивалась с чем-то, что не поддавалось математике, и отступала.

И если они действительно продолжили исследования после 1979 года, если не остановились, не отказались, а пошли дальше, пряча результаты и меняя названия, то «Оракул» мог оказаться не началом истории. А всего лишь очередной

попыткой решить старую задачу. Очередным заходом. Очередной итерацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.